

О. Е. Рубинчик

*Издательство Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург, Россия*

«Не с теми я...»

Анна Ахматова и Наталия Крандиевская *

Н. В. Крандиевская (во втором браке – Толстая, жена писателя А. Н. Толстого; 1888–1963) – русская поэтесса, автор трех прижизненных поэтических сборников (1913, 1919, 1922), уникального цикла блокадных стихов и книги мемуаров.

Статья посвящена одному эпизоду многолетнего поэтического диалога Наталии Крандиевской и Анны Ахматовой.

В июле 1922 г. Ахматова написала программное стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю / На растерзание врагам...». По отношению к Крандиевской это произведение можно назвать «поздним ответом», «отсроченным ответом», а по отношению к другим адресатам, среди которых нужно указать прежде всего Алексея Толстого, – ответом «срочным».

В сборнике Крандиевской 1913 г. есть стихотворение: «Не с теми я, кто жизнь встречает, / Как равную своей мечте...». В нем автор говорит о своей творческой независимости от двух главных литературных явлений того времени: недавно зародившегося акмеизма и маститого символизма. Стихотворение было воспринято акмеисткой Ахматовой с остротой обиды. Кроме того, литературная критика 1910-х гг. способствовала возникновению соперничества двух молодых поэтесс.

С лета 1918 г. по лето 1923 г. Крандиевская с Толстым и детьми находилась вне Советской России, с октября 1921 г. – в Германии. Когда в марте 1922 г. в Берлине начала выходить газета «Накануне», активно призывавшая возвращаться в Советскую Россию, Толстой возглавил ее литературный отдел, а затем стал редактором ее воскресного «Литературного приложения». 30 апреля, в первом же приложении на первой же странице были опубликованы два стихотворения Ахматовой. В ответ 1 августа 1922 г. в петроградском журнале «Литературные записки» появилось открытое письмо Ахматовой с протестом против этой публикации, осуществленной без ее согласия и ведома. Причиной была неблагоприятная политическая роль газеты «Накануне» и ряд неблагоприятных поступков Толстого. Таким образом, строка «Им песен я своих не дам» в июльском стихотворении 1922 г. и ахматовская отповедь газете «Накануне» в «Литературных записках» прямо между собой связаны. Сходство ахматовского произведения со стихотворением Крандиевской говорит о том, что острие стрелы было направлено прежде всего против тандема Толстой – Крандиевская. Но текст Ахматовой имеет много больше адресатов, да и значение его далеко выходит за пре-

---

* Сердечная благодарность за помощь в работе Е. Д. Толстой, И. Н. Толстому и А. Ю. Чернову. За консультации в ходе работы благодарю также Р. Д. Тименчика, А. В. Лаврова, А. Г. Каминскую, Э. Б. Коробову, Н. И. Крайневу, Т. В. Игошеву, Т. С. Позднякову, А. Поморского, П. Е. Побрезкину.

Рубинчик Ольга Ефимовна – кандидат филологических наук, редактор, Издательство Ивана Лимбаха (Санкт-Петербург, Россия, rubinchik_olga@mail.ru)

Литературная жизнь сюжета

дела простого выяснения отношений. Это «поэтическая декларация от имени тех, кто решил остаться, не отклоняя от себя ни единого удара» (Р. Тименчик).

Ключевые слова: Анна Ахматова, Наталия Крандиевская, Алексей Толстой, русская поэзия, «Не с теми я, кто бросил землю...», русское зарубежье, русский Берлин, газета «Накануне».

В первом сборнике стихов Н. В. Крандиевской, вышедшем в конце 1913 г.¹, есть стихотворение:

* * *

Не с теми я, кто жизнь встречает,
Как равную своей мечте,
Кто в достижениях замедляет
Разбег к заоблачной черте,

Кто видит в мире только вещи,
Кто не провидит через них
Предчувствий тягостных своих
Смысл и печальный, и зловещий.

Но чужды мне и те, кто в мире
Как стран заоблачных гонцы.
Мне не по силам их венцы
И золото на их порфире.

Иду одна по бездорожью,
Томясь, предчувствуя, грустя.
Иду, бреду в Селенье Божье,
Его заблудшее дитя...

А в 1922 г. А. А. Ахматова написала стихотворение:

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...

---

¹ [Крандиевская, 1913], обложка работы М. В. Добужинского. Рецензии на книгу относятся к 1914 г., самые ранние из них – январские. В «Книжной летописи» сборник Крандиевской указан в перечне книг, поступивших с 12 по 19 февраля 1914 г., и датирован 1914 г. [Книжная летопись..., 1914, с. 9]. Но в воспоминаниях Крандиевской говорится, что книга вышла в конце 1913 г.: «Рождественские дни 1913 года в Москве. <...> только что вышла моя книга...» [Крандиевская-Толстая, 1977, с. 73–74].

Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Тот же размер, тот же характер рифмовки (у Крандиевской, правда, во второй и третьей строфах перекрестная рифмовка сменяется кольцевой), то же количество строф, наконец, тот же синтаксический ход:

Не с теми я, кто... <...>
Но...

При этом смысл стихотворений совершенно различен, в этом плане они как будто даже не пересекаются. Может быть, они не связаны друг с другом, а имеют общий претекст?

На один весьма вероятный источник ахматовского текста указал в комментарии к нему М. М. Кралин: «Смысл этого стихотворения расширяется и дополняется, если учесть стихотворение А. С. Хомякова “Мы род избранный, – говорили...”» [Ахматова, 1990, т. 1, с. 393]². Вот это хомяковское произведение (1851), в свою очередь отсылающее к Библии:

* * *

«Мы – род избранный, – говорили
Сиона дети в старину. –
Нам Божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым и огонь, как Божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса;
Для нас закон, у нас пророки;
В нас Божьей силы чудеса!»

Не терпит Бог людской гордыни;
Не с теми Он, кто говорит:
«Мы – соль земли, мы – столб святыни,
Мы – Божий меч, мы – Божий щит!»

Не с теми Он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия.

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил.

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;

---

² О связи стихотворения Ахматовой со стихотворением Хомякова позднее писали и другие исследователи: [Кацис, Одесский, 1996, с. 218].

Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм!³

Что общего у ахматовского стихотворения с хомяковским? Размер, перекрестная рифмовка, начало строки – «Не с теми...», у Хомякова имеющее характер анафоры и потому запоминающееся, несмотря на бурное многословие. Можно усмотреть даже «но»: «Не с теми <...> Но с теми...». Что касается содержания, то Ахматова скорее ориентируется на ряд других стихов одного из основателей славянофильства – на стихи, посвященные теме России. А в данном случае ее объединяет с давним предшественником не столько смысл, сколько мощь пафоса (у Хомякова – пророческого). Кажется, ее стихотворение написано от противоположного: не Бог выбирает, с кем быть, а «я», переходящее в «мы»; у Хомякова – «Не с теми Он, кто говорит: / “Мы – соль земли, мы – столб святыни, / Мы – Божий меч, мы – Божий щит!”», у Ахматовой – «Мы ни единого удара / Не отклонили от себя»; у Хомякова – «Не терпит Бог людской гордыни», у Ахматовой – «Но в мире нет людей бесслезней, / Надменнее...» (это надменность не тех, кто облагодетельствован Всевышним, а тех, кто всего лишен). И даже предстоящий суд («в оценке поздней») здесь, видимо, не столько Божий, сколько суд истории. Впору вспомнить другое ахматовское стихотворение того же времени – «Земной отрадой сердце не томи...» (1921), завершающееся строкой: «И не проси у Бога ничего».

В целом по своему рисунку произведения Ахматовой и Хомякова имеют между собой меньше сходства, чем четкие по структуре, лаконичные тексты двух молодых поэтов начала XX в., так что естественно полагать, что «Не с теми я, кто бросил землю...» восходит и к Хомякову, и к Крандиевской. Причем основной претекст, без которого ахматовское стихотворение не было бы написано или оказалось бы совсем другим, – стихотворение Крандиевской, а Хомяков учтен в связи с тем, что к нему, несомненно, отсылает «Не с теми я, кто жизнь встречает...». У Крандиевской, помимо формального сходства в сочетании с юным своеволием, заменяющим «Не с теми Он» на «Не с теми я», есть перекличка с Хомяковым по существу: речь идет о слове, о соприкосновении человеческого с божественным. Наконец, отсылка к Хомякову – в смиренной концовке:

Иду, бреду в Селенье Божье,
Его заблудшее дитя...

Чем же стихотворение Крандиевской так задело Ахматову, что аукнулось через много лет?

Как отметил в своей работе Р. Д. Тименчик, «Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (1888–1963) как поэтесса уже после первого ее сборника противопоставлялась некоторыми критиками акмеистам:

“Это – задушевная интимная *лирика*, *музыка души*, в которую перелагает молодая поэтесса свои переживания (которых так чужаются наши адамо-снобы!)”, и цитировались с этой целью ее стихи:

Кто видит в мире только вещи,
Кто не провидит через них
Предчувствий тягостных своих
Смысл и печальный, и зловещий»⁴.

Приведенная в пример рецензия принадлежит перу писательницы А. Н. Чеботаревской – жены и соратницы Ф. К. Сологуба. Дружа с Крандиевской и симпати-

³ Стихотворение приведено (с поправкой, связанной с изменением правил пунктуации) по изд.: [Хомяков, 1911, с. 33–34].

⁴ [Тименчик, 2006, с. 493]. Цитируемый текст: [Чеботаревская, 1914, с. 52].

зируя ее стихам, Чеботаревская затушевывает то, что лишь первые две строфы цитируемого произведения посвящены акмеистам, третья же (не упомянутая) – символистам, т. е. на самом деле Крандиевская чувствует свою отдельность и от тех, и от других. Она выбирает литературное одиночество, Чеботаревская же осторожно перетягивает ее в свой лагерь:

И хотя Нат. Крандиевская в стихотворении:

Не с теми я, кто жизнь встречает,
Как равную своей мечте...

и хочет откеститься от всех поэтов-современников <...> мы видим в ней даровитую, самостоятельную наследницу символистов... [Чеботаревская, 1914, с. 52–53].

Так эффект от стихотворения, наверняка с заостренным вниманием прочитанного Ахматовой⁵ в книге Крандиевской, усиливается благодаря заметке рецензента, вышедшей в период борьбы символизма с акмеизмом⁶. Но и это еще не все. Хвалебная рецензия Чеботаревской на книгу Крандиевской идет в журнале непосредственно после развернутой статьи Иванова-Разумника «Жеманницы (“Четки” Анны Ахматовой и “Печальное вино” Веры Инбер)», где Ахматова ставится на одну доску с В. М. Инбер и на разные лады повторяется мысль, что в «Четках» – «вялое равнодушие к миру», «всюду одна и та же жеманная улыбка или жеманная печаль, ограниченный диапазон поэтического чувства, но несомненная поэзия» [Иванов-Разумник, 1914, с. 48, 47].

Таким образом, полемическое, но абсолютно не оскорбительное стихотворение, в котором Крандиевская, стремясь понять себя, отмежевывается от символистов и от появившихся в печати в начале 1913 г. манифестов акмеистов [Гумилев, 1913; Городецкий, 1913] и в котором нет ничего собственно антиахматовского, было воспринято Ахматовой с остротой обиды.

В 1914 г. имена Ахматовой и Крандиевской в рецензиях неоднократно оказывались рядом. Кроме уже упомянутых текстов, можно назвать статью В. Я. Брюсова «Год русской поэзии. Апрель 1913 – апрель 1914» [Брюсов, 1914⁷]. В ней, в разделе «Продолжатели», начало которого посвящено молодой женской поэзии, поэтессы расставлены по ранжиру: Ахматова («Среди книг молодых поэтов, ищущих “нового” на “старых” путях, определенно выделяются “Четки” А. Ахматовой. <...> Однако поэтический горизонт “Четок” почти тот же, что и “Вечера”, и теперь уже можно опасаться, что он так и останется довольно ограниченным»); М. Л. Моравская («Художественная ценность книги г-жи Моравской, как по технике стиха, так и по его глубине содержания, нам представляется менее значительной, нежели книги г-жи Ахматовой; но мы должны признать, что в стихах г-жи Моравской есть поэзия подлинная»); Крандиевская («Труднее сказать, с полной определенностью, то же о стихах г-жи Крандиевской. <...> Однако у г-жи Крандиевской есть и стихи и не банальные <...> Важнее того, у нее есть способность передавать стихами чувство...»); Инбер («...г-же Инбер угрожает опасность остаться умелым стихотворцем и только») [Брюсов, 1990, с. 444–447].

⁵ Стихотворение Крандиевской было прочитано и Гумилевым. Ср.: «О Крандиевской говорил – милая, но бесцветная поэтесса»; примеч. Р. Д. Тищенко: «Незадолго перед тем Н. В. Крандиевскую противопоставили акмеистам...» (далее – цитата из той же рецензии Чеботаревской) [Тищенко, 2017, с. 564, 642].

⁶ Ср.: «Четки» «вышли 15 марта 1914 г., т. е. вскоре после того, как окончилась кампания по уничтожению акмеизма» [Записные книжки..., 1996, с. 376].

⁷ Здесь цит. по републ. в сб.: [Брюсов, 1990].

У С. М. Городецкого также на первом месте Ахматова, за ней говорится о Крандиевской, Моравской, Инбер, В. И. Рудич, М. В. Шретер. О Крандиевской он пишет: «Насколько умела Ахматова, настолько беспомощна технически Наталия Крандиевская. Отсутствие школы бросается в глаза, прежде всего, при анализе ее милого и честного таланта. Вся ее книжка овеяна глубоким, сосредоточенным страданием. Ее темы – темы любви и материнства. Но каким ненужным грузом лежат на ее стихах такие эпитеты, как “беспеременный”, такие строки, как “То сева древнего взошедший колос”! Зачем это воспоминание чужого витийства? Такие пережитки нередко обременяют стихи Наталии Крандиевской, по существу волнующие и напряженные» [Городецкий, 1914, с. 3]. Незаслуженно резкие слова о технической беспомощности, об отсутствии школы, думается, связаны с тем, что Крандиевская не только не пошла в Цех поэтов и школу акмеизма, но и заявила о своей независимости в двух первых строфах стихотворения «Не с теми я, кто жизнь встречает...». А в это время акмеистам было важно утвердить свою школу, и, говоря об Ахматовой, Городецкий подчеркивает именно ее «школьные» заслуги: «“Настроению”, которым дорожила символическая лирика, здесь противопоставлен факт. Музыкальная последовательность образов заменена хронологической последовательностью событий. Пышные фразы заменены разговорным языком» [Там же, с. 3]. Интересно, что все это можно было бы применить и ко многим стихам Крандиевской, в частности – к написанному за 10 лет до рецензии Городецкого стихотворению «В глуши» [Крандиевская, 1905, с. 56⁸]. Другое дело, что стилистика Крандиевской, как, впрочем, и ахматовская, к этому не сводится.

Кроме статей, где имена двух поэтов оказываются рядом, что вольно или невольно провоцирует на сравнение, их имена в том же году назывались порознь – в других контекстах или в отдельных рецензиях. Ахматова могла, например, читать проникновенную хвалебную рецензию Арсения Альвинга: «Стихотворения Крандиевской прежде всего поражают той мудрой скупостью слов, что является обыкновенно признаком поэзии углубленной, истинной. Эта нерасточительность, это умение средствами простыми создавать образы сжатые, острые, колющие – радует чрезмерно. Мягкая лирическая печаль, нежно туманящая отчетливость этих образов, похожа порою на тяжелую вуаль слез, сквозь которую хотят и не могут улыбнуться немного усталые глаза, порою же она переходит в горечь тревожной тоски... Мучительные раздумья поэта так, раз навсегда, сгруппировались вокруг полных, отравных слов: груз, тщета, отречение, брэнность, ненасытимость, томление. Эта огорченность, эта тихая мятежность, не заставившая, однако, потерять полупантеистическую связь с миром, и доводит душу поэта до состояния загроможденности:

И тяжким шагом, не спеша,
Как труженик в толпе блаженной,
Проходит с ношею священной
Загроможденная душа.

Любопытно и приятно отметить то, что в данной книге мало специфических черт чисто женского творчества – большинство стихов чисто мужские и по силе изобразительности, и по господству разлитой в них мысли. Самой значительной по содержанию пьесой представляется “Мое начало” с его тревожной интродукцией:

---

⁸ То же стихотворение, без названия, в сокращенном и измененном виде («Кто знает сумерки в глуши?...»): [Крандиевская, 1913, с. 61].

Нет, не грядущее мне дико,
А прошлое небытие!
Ужель с младенческого крика
Возникновение мое?

<...> Если ж можно говорить о влиянии, то следует упомянуть таких поэтов, как Тютчев и Бальмонт. <...>» [Альвинг, 1914, с. 6]. Некоторые рецензенты отмечали в стихах Крандиевской гармоничное единство мысли и чувства, глубину, мудрость [Кречетов, 1914, с. 6; Полянин, 1914, с. 180–182]. Софья Парнок (под псевдонимом Андрей Полянин) писала: «...в тютчевской сгущенности слова, в сгущенности, происходящей от насыщенности содержанием, есть своя, особая, волнующая музыка» [Полянин, 1914, с. 182]. В номере за декабрь 1918 – январь 1919 г. екатеринбургского журнала «Лесное эхо» вышла статья В. Шумского «Женская лирика (эскиз)». Хотя с 1913 г. до этого времени Крандиевская не выпустила ни одной книги стихов, а публиковалась лишь в периодике и коллективных сборниках, ее имя здесь названо первым, и вновь – по соседству с ахматовским, казалось бы, уже несколько лет бесспорно первенствующим: «Но среди этого моря “дамской поэзии” есть несколько возвышающихся островков, которые манят к себе. Есть ряд имен, заставляющих отнести к ним серьезно, со вниманием. Таковы – Н. Крандиевская, Анна Ахматова, покойная Н. Гр. Львова, М. Шагинян, Т. Ефименко, С. Парнок, таинственная Черубина де Габриа, Марина Цветаева и некоторые другие. <...> Вот с мудрым и строгим лицом поэта, испытавшего многое в жизни, выходит к нам Н. Крандиевская. Ее переживания, запечатленные в тонких, простых стихах, все проходят в мудрой, углубленной тишине созерцания мира и пытливых вопрошаний мысли. Она – “мудрая, в пути все улады проходила мимо”. <...> Во всем скрыт “смысл и печальный, и зловещий” – и дух хочет разгадать этот смысл, жаждет проникнуть и в прошлое, и в будущее, познать тайны рождения и смерти. <...> Та же острота и нежная мощь и в стихах о любви...» [Шумский, 1918–1919, с. 15]. Об Ахматовой Шумский пишет: «...У Ахматовой больше тоски и отчаяния (чем у Т. Ефименко. – О. Р.). Эта поэтесса чувствует себя “иностранкой” в нашем мире, не может найти себе в нем места. С напряженным вниманием она всматривается в повседневность, видит в ней таинственный смысл – и боится его, странная тоска пугливая охватывает ее душу. Была у нее любовь, но любовь печальная, принесшая смятение и изнеможение. Теперь она одинока, ибо “Умер вчера сероглазый король”...»

Лирика Ахматовой ограничена узким кругом тем об интимных чувствах и переживаниях, но несмотря на это ее простые, целомудренно строгие стихи многим становятся близкими и необходимыми. В этом – тайна символического творчества поэтессы» [Шумский, 1918–1919, с. 15].

Ахматову, несомненно, должны были раздражать часто звучавшие даже в положительных отзывах слова об узком круге тем. И хотя рецензий на ее стихи было несравнимо больше, чем на стихи Крандиевской, и слава ее была несравнима со скромной известностью Наталии Васильевны, после текстов, подобных статье Шумского, чувство соперничества получало новую пищу.

Ахматовское стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...», написанное в июле 1922 г., по отношению к Крандиевской можно назвать «поздним ответом»⁹, «отсроченным ответом»¹⁰, а по отношению к другим адресатам, среди которых нужно указать прежде всего А. Н. Толстого, – ответом «срочным»¹¹.

⁹ «Поздний ответ» – название ахматовского стихотворения (1940, 1961), посвященного М. И. Цветаевой.

С лета 1918 по лето 1923 г. Крандиевская с мужем Алексеем Николаевичем Толстым и детьми находилась вне Советской России, сначала в белой Одессе, затем в эмиграции: во Франции, а с октября 1921 г. – в Германии. Когда в марте 1922 г. в Берлине начала выходить сменовеховская газета «Накануне», активно призывавшая возвращаться в Советскую Россию, Толстой возглавил ее литературный отдел, а затем стал редактором ее воскресного «Литературного приложения». 30 апреля, в первом же приложении на первой же странице были опубликованы два стихотворения Ахматовой [Накануне, 1922, № 29, Литературное приложение, № 1, с. 1¹²]. В июле того же года Корней Чуковский записал в дневнике: «Встретил Ахматову. <...> Заговорила о сменовеховцах. Была в “Доме литер<аторов>”. Слушала доклад редакторов “Накануне”. Отвратительно! Я сказала Волковыскому: представьте мне редактора “Накануне”¹³. Мы познакомились. Я и говорю: – Почему вы напечатали мои стихи? – Мы получили их из Москвы. – Но ведь я в Москве не была семь лет¹⁴. – Не знаю, справлюсь в Берлине и напишу вам. – Нисколько эти люди не теряют равновесия ни в каких случаях» [Чуковский, 1991, с. 213].

1 августа 1922 г. в петроградском журнале «Литературные записки» в рубрике «Письма в редакцию» появился такой текст:

«В литературном приложении к газете “Накануне” от 30 апреля с. г. были напечатаны мои стихотворения: “Как мог ты...” и “Земной отрадой сердца не томи” с следующим примечанием: “Печатаемые здесь два новых стихотворения Анны Ахматовой должны появиться в России в альманахах “Утренники” и “Парфенон”. Оба стихотворения доставлены редакции “Накануне” без моего согласия и ведома.

А. Ахматова.

От редакции. К письму А. Ахматовой приложены заявления изд-ва “Парфенон” и редактора “Утренников” Д. А. Лутохина о том, что они никому не передавали названных стихотворений для перепечатки» [Литературные записки, 1922, № 3, с. 23¹⁵].

«Сначала Ахматова сотрудничала с большевистской зарубежной прессой», – пишет Р. Д. Тименчик, называя газеты: рижскую – «Новый путь», хельсинкскую – «Путь», берлинскую – «Новый мир»; «По-видимому, она вступила в издательские отношения с петроградской “конторой советских иностранных газет” <...> К июлю 1922 г. провокаторская роль сменовеховцев стала для нее очевидной...» [Тименчик, 2015, с. 321]. Подробно об этой роли и о роли Толстого в событиях этого периода можно прочесть в работе «Русский Берлин» [Русский Берлин...,

¹⁰ «“Отсроченный ответ”, “поздний ответ” можно считать индивидуальным ахматовским жанром программной лирики» (из доклада «Память Ахматовой», сделанного Р. Д. Тименчиком на конференции в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме в 2000 г.).

¹¹ «Срочный ответ» – определение, данное некоторым ахматовским стихам И. Л. Лиснянской (см. главы «Срочный ответ», «Поздние ответы» в кн.: [Лиснянская, 1995]).

¹² В том же номере «Литературного приложения» были напечатаны произведения М. Горького, Б. А. Пильняка и др. В последующих приложениях публиковались М. А. Булгаков, О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич, М. Л. Слонимский, К. А. Федин, М. М. Зощенко, Г. А. Шенгели, М. А. Волошин и мн. др.

¹³ Редакторами газеты «Накануне» в это время были Ю. В. Ключников и Г. Л. Кирдецов.

¹⁴ Не совсем точные сведения. Ахматова не была в Москве четыре года.

¹⁵ Ахматовские стихи в «Парфеноне» и «Утренниках» были опубликованы незадолго до публикации их в «Литературном приложении» к «Накануне», также в апреле 1922 г. [Черных, 2016, с. 189; Литературная жизнь России..., 2006, с. 378, 386].

2003, с. 32–46]¹⁶, а я отмечу лишь несколько моментов, которые нашли острый отклик у Ахматовой.

В открытом письме Николаю Васильевичу Чайковскому – ответе тем эмигрантам, которые обвиняли его в предательстве за сотрудничество в «Накануне», – Толстой, в частности, писал: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. <...> Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы.<...> От этого постоянного столкновения воспаленной фантазии с реальностью, от этих постоянных сотрясений многие не выдерживали. Мы были просто несчастными существами, оторванными от родины, птицами, спугнутыми с родных гнезд. Быть может, когда мы вернемся в Россию, остававшиеся там начнут считаться с нами в страданиях. Наших было не меньше: мы ели горький хлеб на чужбине.

Затем наступили два события, которые – одним подбавили жару в их надеждах на падение большевиков, на других повлияли совсем по-иному. Это были война с Польшей и голод в России.

Я в числе многих, многих других, не мог сочувствовать полякам, завоевавшим русскую землю <...> Приспело новое испытание: апокалипсические времена русского голода. Россия вымирала. Кто был виноват? Не все ли равно – кто виноват, когда детские трупки сваливаются, как штабели дров у железнодорожных станций, когда едят человеческое мясо. Все, все мы, скопом, соборно, извечно виноваты.

<...> За большевиками в прошлом – террор. Война и террор в прошлом. Чтобы их не было в будущем – это уже зависит от нашей общей воли к тому, чтобы с войной и террором покончить навсегда... Я бы очень хотел, чтобы у власти сидели люди, которым нельзя было бы сказать: – вы убили. Но для того, предположим, чтобы посадить этих незапятнанных людей, нужно опять-таки начать с убийств, с войны, с вымаривания голодом и прочее. Порочный круг. И опять я повторяю: я не могу сказать: – я невинен в лившейся русской крови, я чист, на моей совести нет пятен... Все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем совершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль» [Накануне, 1922, № 17, с. 2].

В ответе К. И. Чуковскому от 20 апреля 1922 г., опубликованному адресатом в «Литературных записках», Толстой писал: «...Вы доставили мне большую радость Вашим письмом. Первое и главное это то, что у вас, живущих в России, нет зла на нас, бежавших. Очень важно и радостно, что мы снова становимся одной семьей. <...> Эмиграция, разумеется, уверяла себя и других, что эмиграция – высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение священного огня. Но это так говорилось, а в эмиграции была собачья тоска: – как ни задирались, все же жили из милости, в людях, и думалось, – быть может, вернемся домой, и там примут неласково: – без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевидно, незнакомы. Признаваться в этом тяжело, но нужно. На чужбине мы ели горький хлеб» [Литературные записки, 1922, № 1, с. 4].

«Горький хлеб на чужбине» из обоих писем Толстого отозвался в ахматовском стихотворении строкой «Полынью пахнет хлеб чужой»¹⁷, жалостью, смешанной

¹⁶ См. также: [Варламов, 2009, с. 295–368].

¹⁷ Это не отменяет вывода исследователя о том, что в третьей строфе стихотворения «прямо на поверхность» выходит «дантовский слой»: тема изгнанничества; «чужой хлеб» – цитата из «Божественной комедии» [Хлодовский, 1992, с. 81]. Наверняка Ахматова помнила не только дантовские слова, но и пушкинские отсылки к Данте: «Горек чужой хлеб, го-

с презрением: «Но вечно жалок мне изгнанник, / Как заключенный, как больной». Но куда сильнее сочувствия звучит в нем мотив отмежевания от тех, кто, подобно Толстому, считал, что может быть с оставшимися в России «одной семьей», может уравнивать свои страдания с их страданиями и разделить с ними свою вину перед брошенной «на растерзание врагам» страной. Так что строка «Им песен я своих не дам» и ахматовская отповедь газете «Накануне» в «Литературных записках» прямо между собой связаны.

Однако резкость ахматовской реакции, думается, вызвана не столько письмами Толстого, сколько письмом Чуковского к нему. Оно, видимо, не предназначалось автором для печати, тем не менее Толстой его (с некоторыми пропусками) напечатал 4 июня 1922 г. в «Литературном приложении» к «Накануне»: «...Я радуюсь тому, что происходит с вами. Ваш ответ Ч<айковско>му прекрасен. <...> Слава Богу, ненависти к своему народу у меня и мимолетной не было. Я сразу пошел читать лекции матросам, красноармейцам, милиционерам – всем *нынешним людям*, которых принято так ненавидеть, и, читая, чувствовал: “это Россия”. <...> Говорить о “гибели” России, если в основе – такой прочный, духовно одаренный, работающий народ, – могут только эмигранты – в Париже, Софии и Праге. Теперь эмигранты каются и “прозревают” <...> но, дорогой Толстой, не думайте, что эмигранты только за границей. <...> В 1919 году я основал “Дом Искусств”, устроил публичные лекции, привлек Горького, Блока, Сологуба, Ахматову, А. Бенуа, Добужинского, устроили общежитие на 56 человек, библиотеку и т. д. И вижу теперь, что создал клоаку. Все сплетничают, ненавидят друг друга, интригуют, бездельничают – эмигранты, эмигранты! Дармоедствовать какому-нибудь Волынскому или Чудовскому очень легко: они получают пайки, заседают, *ничего не пишут* и поругивают Советскую власть. В этом-то я вижу вашу основную ошибку: те, которые живут здесь, еще более за рубежом, чем вы. Вот сейчас вышел сборник молодежи – “Звучащая раковина”. Ни одного стихотворения о России, ни одного русского слова, все эстетические ужимки и позы. Нет, Толстой, вы должны вернуться сюда гордо и с ясной душой. Вся эта мразь недостойна того, чтобы перед ней *извинялись или чувствовали себя виноватым...*» [Накануне, 1922, № 57, Литературное приложение, № 6, с. 1]. Письмо вызвало скандал: Толстого осуждали за публикацию, Чуковского – за «доносительство». Ситуация была тем хуже, что «Накануне» была единственной эмигрантской газетой, разрешенной к ввозу в Советскую Россию и, по словам Цветаевой, продавалась «на всех углах Москвы и Петербурга»¹⁸. Горький писал Толстому о петроградском общественном мнении: «...весьма настроены против вас литераторы за письмо Чуковского»; 4 июня о прекращении публикации своих произведений в «Накануне» заявил Пильняк [Русский Берлин..., 2003, с. 43].

На этом фоне и появились заявление и стихотворение Ахматовой. Рассмотренные с такой позиции, «гордые презрительные стихи» [Павловский, 1979, с. 195] оказываются жестом самозащиты и защиты тех, кто был назван мразью. Через много лет Ахматова пояснила в частном разговоре: «В этом стихотворении

ворит Данте...»; «...Сколь черств и горек хлеб чужой...» («Пиковая дама» [Пушкин, 1977–1979, т. 6, с. 217]; ранняя редакция поэмы «Цыганы» [Там же, т. 4, с. 383]). Ср. также у В. К. Кюхельбекера в поэме «Давид»: «Суров и горек черствый хлеб изгнанья...» [1939, с. 254, 255]; у Шекспира: «...Есть на чужбине горький хлеб изгнанья...» (Король Ричард второй. Пер. Н. А. Холодковского. Действие третье. Сцена 1. Цит. по: [Шекспир, 1902–1904, т. 2].

¹⁸ Возмущенное открытое письмо Цветаевой Толстому от 3 (?) июня 1922 г. цит. по: [Варламов, 2009, с. 329].

<...> сказано самое главное: какие – мы. И (после паузы, веско): – Это – патристическое стихотворение» [Ратгауз, 2001, с. 153].

Откровенное сходство ахматовского произведения со стихотворением «Не с теми я, кто жизнь встречает...» говорит о том, что острое стрелы было направлено прежде всего против тандема Толстой – Крандиевская, и они не могли это не понять (в 1923 г. «Не с теми я, кто бросил землю...» было опубликовано во втором издании ахматовского сборника «Anno Domini», напечатанном в Берлине). Но, конечно, это была лишь ближайшая мишень. Текст имеет много больше адресатов, да и значение его далеко выходит за пределы простого выяснения отношений¹⁹. Это программное произведение, множество раз и по-разному интерпретировавшееся исследователями. Приведу обобщающую цитату: «Это стихотворение являло собой поэтическую декларацию от имени тех, кто решил остаться, не отклоняя от себя ни единого удара, написанную поверх политического треугольника: белая эмиграция – сменовеховцы – большевики» [Тименчик, 2015, с. 321]. И так, не с теми, не с теми и не с теми. С Россией (ср. «Когда в тоске самоубийства...»), со своим городом и «согражданами» (ср. «Петроград, 1919», другое название – «Согражданам»). Но при всей «несравненной правоте»²⁰ автора в стихотворении почти тайно звучит нота самооправдания: «Оправдан будет каждый час...»²¹.

«Большое поражение и обид» Ахматова помнила крепко. В поздней заметке о клевете она назвала имена «некоторых из соперниц-клеветниц» (определение Р. Д. Тименчика). В их числе – «...Мои современницы 1) поэтессы (Крандиевская, Грушко, Зоя Гуковская, Арнс), кот<орые> считают, что я лишила их следуемой им славы. Их королевой была А. Радлова»²². Что касается Крандиевской (как и ряда других обвиненных), то тут клеветы, по-видимому, не было. Было стихотворение «Не с теми я, кто жизнь встречает...» и отчасти естественное, отчасти спровозвоценное литературными критиками соперничество двух молодых поэтесс²³.

¹⁹ Ср.: «Пастернак <...> однажды при мне в очень важном для него разговоре целиком прочитал наизусть “Не с теми я, кто бросил землю...”, сказав, что в этом стихотворении лучше всего сказано то, что он хотел бы сам выразить» [Иванов, 1991, с. 474].

²⁰ «Несравненной моей правоты» – строка из стихотворения Ахматовой 1940 г. «Не недели, не месяцы – годы...» (цикл «Разрыв»).

²¹ Ср. слова о другом стихотворении: «...прозвучал голос, предлагающий Анне Ахматовой оставить Россию навсегда. В нем было зловещее утешение:

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд... –

и эти строки <...> слишком прямо отсылают читателя к шекспировской леди Макбет. Разумеется, в действительности такая параллель ни на чем не была основана, кроме чувства сопричастности (если не уедешь, не отделишь себя от России) с тем кровавым, что там происходило» [Бобышев, 1991, с. 178–179].

²² Цит. по: [Тименчик, 2006, с. 492]. Ср. комментарий к этой заметке внучки Н. В. Крандиевской, филолога Е. Д. Толстой (из письма к О. Е. Рубинчик, 1 мая 2019 г.): «Как-то у меня есть сомнение, что можно Н. В. “шить групповуху”. Она все-таки сама по себе. И в том, что она поклонялась Анне Радловой, очень сомневаюсь. Она же довольно консервативная была во вкусах».

²³ Длительной (для Крандиевской пожизненной) истории творческого диалога, в котором переключка двух стихотворений с зачином «Не с теми я...» – лишь наиболее яркий эпизод, посвящена моя статья «Анна Ахматова и Наталия Крандиевская: История поэтического диалога», которая планируется к выходу в издании ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома): «Русские поэты XX века: Материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966)».

Список литературы

- Альвинг А.* Наталия Крандиевская – Стихотворения // *Новь*. 1914. 15 марта. № 52. С. 6.
- Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. / Сост. и подгот. текста М. М. Кралина. М.: Правда, 1990. Т. 1. 448 с.
- Бобышев Д.* Ахматова и эмиграция // *Звезда*. 1991. № 2. С. 177–181.
- Брюсов В. Я.* Год русской поэзии. Апрель 1913 – апрель 1914 // *Русская мысль*. 1914. № 6. С. 14–18.
- Брюсов В. Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / Сост. Н. А. Богомолов, Н. В. Котрелев, вступ. ст. и коммент. Н. А. Богомолова. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.
- Варламов А. Н.* Алексей Толстой: Биография. М.: Эксмо, 2009. 736 с.
- Городецкий С.* Женские стихи // *Речь*. 1914. 14 апр. № 100. С. 3.
- Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // *Аполлон*. 1913. № 1. С. 46–50.
- Гумилев Н.* Заветы символизма и акмеизм // *Аполлон*. 1913. № 1. С. 42–45.
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой, вступ. ст. Э. Г. Герштейн, науч. консульт., введ. заметки и указатель В. А. Черных. М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 852 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Беседы с Анной Ахматовой // *Воспоминания об Анне Ахматовой*. М.: Сов. писатель, 1991. С. 473–502.
- Иванов-Разумник.* Жеманницы («Четки») Анны Ахматовой и «Печальное вино» Веры Инбер // *Заветы*. 1914. № 5. С. 47–51.
- Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* «И если когда-нибудь в этой стране...» // *Литературное обозрение*. 1996. № 5/6. С. 214–222.
- Книжная летопись Главного управления по делам печати. 1914. 22 февр. № 8. С. 9.
- Крандиевская Н.* В глуши // *Образование*. 1905. № 4. С. 56.
- Крандиевская Н.* Стихотворения. М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1913. 68 с.
- Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания / Предисл. В. А. Рождественского. Л.: Лениздат, 1977. 224 с.
- Кречетов С.* Одиннадцать (Критические заметки по текущей русской литературе) // *Утро России*. 1914. 25 янв. № 20. С. 6.
- Кюхельбекер В. К.* Лирика и поэмы / Вступ. ст., ред. и примеч. Ю. Тынянова. Л., 1939. Т. 1. 482 с.
- Лиснянская И.* Шкатулка с тройным дном. Болшево; Калининград: Луч-1, 1995. 185 с.
- Литературная жизнь России 1920-х годов. М., 2006. Т. 1, ч. 2.
- Литературные записки. 1922. № 1.
- Литературные записки. 1922. № 3.
- Накануне. 1922. 14 апр. № 17.
- Накануне. 1922. 30 апр. № 29. Литературное приложение № 1.
- Накануне. 1922. 4 июня. № 57. Литературное приложение № 6.
- Павловский А.* «Это плещет Нева о ступени...» // *Нева*. 1979. № 6. С. 193–196.
- Полянин А.* Наталия Крандиевская – Стихотворения // *Северные записки*. 1914. Февраль. С. 180–182.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979.
- Ратгауз Г.* Как феникс из пепла. Беседа с Анной Андреевной Ахматовой // *Знамя*. 2001. № 2. С. 151–158.

Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гурьевском институте / Изд. подгот. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2003. 392 с.

Тименчик Р. Д. Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги» // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.: Альянс-Архео; СПб., 2006. С. 492–517.

Тименчик Р. Читатели Гумилева. Прилож. Начало воспоминаний Варвары Могиной // Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. С. 564–565.

Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы: В 2 т. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2015. Т. 2. 632 с.

Хлодовский Р. И. Анна Ахматова и Данте // Ахматовские чтения: В 3 вып. М., 1992. Вып. 2: Тайны ремесла. С. 75–92.

Хомяков А. Избранные стихотворения. СПб., 1911. 64 с.

Чеботаревская А. Наталия Крандиевская. Стихотворения // Заветы. 1914. № 5. С. 52–53.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.

Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 5 т. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1902–1904.

Шумский В. Женская лирика (эскиз) // Лесное эхо. 1918–1919. № 3–4. С. 15–16.

Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929 / Подгот. текста и коммент. Е. Ц. Чуковской, вступ. ст. В. А. Каверина. М.: Сов. писатель, 1991. 543 с.

O. E. Rubinchik

*Ivan Limbach Publishing House
St. Petersburg, Russian Federation*

“They’re not My Kind...”

Anna Akhmatova and Natalia Krandievskaya

N. V. Krandievskaya (1888–1963; her last name became Tolstaya after her second marriage with a writer A. N. Tolstoy) was a Russian poet, the author of three books of verse published during her life (1913, 1919, 1922), an outstanding collection of poems dedicated to the Siege of Leningrad (now St Petersburg) and a memoir.

The article is dedicated to one of the longstanding poetical conversations between Natalia Krandievskaya and Anna Akhmatova.

In July 1922 Akhmatova wrote a poem “They’re not my kind who left the land / To enemies and plundering...”. The poem can be called a “late reply” or “delayed response” to Krandievskaya, and an “urgent answer” to other addressees, among whom there was Aleksey Tolstoy first of all.

A 1913 collection of poems by Krandievskaya includes the following one: “They’re not my kind who meet the life, / As like a dream...”. In this poem, the author speaks about her creative independence from two mainstreams in literature of that time: an emerging acmeism and a seasoned symbolism. Being an acmeist, Akhmatova treated the poem with a strong sense of offence. Besides, criticism of 1910 contributed to the origin of the rivalry between these two young poets.

From summer 1918 until summer 1923, Krandievskaya stayed out of Soviet Russia with Tolstoy and their children, from October 1921 they were in Germany. When the publishing of the “Nakanune” newspaper, which actively advocated for coming back to Soviet Russia, started in March 1922 in Berlin, Tolstoy headed its literature department, and then he became an editor of its Sunday supplement. Two poems by Akhmatova were published on the first page of the first newspaper’s supplement on April 30. In response, an open letter by Akhmatova was published on August 1, 1922 in the “Notes on Literary Life” in Petrograd magazine, in which she spoke out

against the publication of her poems without her knowledge and consent. The reason was an improper political role of the “Nakanune” newspaper and some Tolstoy’s misdeeds. Thus, the verse “I will not give them my poems” in the poem published in July 1922 and the answer of Akhmatova to the “Nakanune” newspaper in the “Notes on Literary Life” are directly interrelated. The similarity of the verse by Akhmatova with the poem by Krandievskaya suggests that the head of the arrow was aimed at the Tolstoy – Krandievskaya partnership first of all. However, the text by Akhmatova has many more addressees, and its meaning spreads far beyond the boundaries of a simple war of words. It’s “a poetic declaration on behalf of those who decided to stay, not evading a single blow” (R. Timenchick).

Keywords: Anna Akhmatova, Natalia Krandievskaya, Aleksey Tolstoy, Russian poetry, “They’re not my kind who left the land...”, Russians abroad, Russian Berlin, “Nakanune” newspaper.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-41-55

References

- Akhmatova A. A. Sochineniya [Works]. In 2 vols. Comp. by M. M. Kralin. Moscow, Pravda, 1990, vol. 1, 448 p. (in Russ.)
- Alving A. Nataliya Krandievskaya – Stikhotvoreniya [Nataliya Krandievskaya – Poems]. *Nov*, March 15, 1914, no. 52, p. 6. (in Russ.)
- Bobyshev D. Akhmatova i emigratsiya [Akhmatova and Emigration]. *Zvezda*, 1991, no 2, p. 177–181. (in Russ.)
- Bryusov V. Ya. God russkoy poezii. April 1913 – April 1914 [The Year of Russian Poetry. 1913, April – 1914, April]. *Russkaya mysl'*, 1914, no 6, p. 14–18. (in Russ.)
- Bryusov V. Ya. Sredi stikhov: 1894–1924: Manifesty, statyi, retsenzii [Among the Poems: 1894–1924: Manifests, Articles, Reviews]. Comp. by N. A. Bogomolov and N. V. Kotrelev, intr., comment. by N. A. Bogomolov. Moscow, Sovetskiy pisatel, 1990, 720 p. (in Russ.)
- Chebotarevskaya A. Nataliya Krandievskaya. Stikhotvoreniya [Nataliya Krandievskaya. Poems]. *Zavety*, 1914, no. 5, p. 52–53. (in Russ.)
- Chernykh V. A. Letopis zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy [Chronicle of life and work of Anna Akhmatova]. Moscow, Azbukovnik, 2016, 944 p. (in Russ.)
- Chukovsky K. I. Dnevnik. 1901–1929 [A diary. 1901–1929]. Ed. by E. Ts. Chukovskaya, intr. V. A. Kaverin. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1991, 543 p. (in Russ.)
- Gorodetskiy S. Nekotorye techeniya v sovremennoy russkoy poezii [Some Movements in Contemporary Russian Poetry]. *Apollon*, 1913, no. 1, p. 46–50. (in Russ.)
- Gorodetskiy S. Zhenskie stikhi [Poems for women]. *Rech*, 1914, 14 April, no. 100, p. 3. (in Russ.)
- Gumilev N. Zavety simbolizma i akmeizm [Symbolism Legacy and akmeizm]. *Apollon*, 1913, no. 1, p. 42–45. (in Russ.)
- Ivanov Vyach. Vs. Besedy s Annoy Akhmatovoy [Conversations with Anna Akhmatova]. In: Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy [Memories about Anna Akhmatova]. Moscow, Sovetskiy pisatel, 1991, p. 473–502. (in Russ.)
- Ivanov-Razumnik. Zhemannitsy («Chetki» Anny Akhmatovoy i «Pechalnoe vino» Very Inber) The prudes [Chestresses (“Beads” by Anna Akhmatova and “Sad wine” by Vera Inber)]. *Zavety*, 1914, no. 5, p. 47–51. (in Russ.)
- Katsis L. F., Odesskiy M. P. «I esli kogda-nibud v etoy strane...» [“And if one day in this country...”]. *Literaturnoe obozrenie*, 1996, no. 5/6, p. 214–222. (in Russ.)
- Khlodovskiy R. I. Anna Akhmatova i Dante [Anna Akhmatova and Dante]. In: Akhmatovskie chteniya. In 3 vols. Moscow, 1992, iss. 2: Tayny remesla, p. 75–92. (in Russ.)
- Khomyakov A. Izbrannye stikhotvoreniya [Selected Poems]. St. Petersburg., 1911, 64 p. (in Russ.)
- Knizhnaya letopis Glavnogo upravleniya po delam pechati [A Book chronicle of the General Directorate of Printing]. 1914, 22 February, no. 8, p. 9. (in Russ.)
- Krandievskaya N. Stikhotvoreniya [Poems]. Moscow, Knigoizdatel'stvo K. F. Nekrasova, 1913, 68 p. (in Russ.)
- Krandievskaya N. V glushi [In the middle of nowhere]. *Obrazovanie*, 1905, no. 4, p. 56. (in Russ.)

- Krandievskaya-Tolstaya N. V. Vospominaniya [Memories]. Intr. by V. A. Rozhdestvenskiy. Leningrad, Lenizdat, 1977, 224 p. (in Russ.)
- Krechetov S. Odinnadtsat (Kriticheskie zametki po tekushchey russkoy literature) [Eleven (Critical Notes on Current Russian Literature)]. *Utro Rossii*, 1914, 25 January, no. 20, p. 6. (in Russ.)
- Kyukhelbeker V. K. Lirika i poemy [Lyrics and Poems]. Intr., eds., comment. by Yu. Tynyanov. Leningrad, 1939, vol. 1, 482 p. (in Russ.)
- Lisnyanskaya I. Shkatulka s troynym dnom [A jewelry-box with a triple bottom]. Bolshevo, Kaliningrad, Luch-1, 1995, 185 p. (in Russ.)
- Literaturnaya zhizn Rossii 1920-kh godov [The literary life of Russia in the 1920s]. Moscow, 2006, vol. 1, pt. 2, (in Russ.)
- Literaturnye zapiski. Literature Notes, 1922, no. 1. (in Russ.)
- Literaturnye zapiski. Literature Notes, 1922, no. 3. (in Russ.)
- Nakanune. 1922, 14 April, no. 17. (in Russ.)
- Nakanune. 1922, 30 April, no. 29. Literaturnoe prilozhenie no. 1. (in Russ.)
- Nakanune. 1922, 4 June, no. 57. Literaturnoe prilozhenie no. 6. (in Russ.)
- Pavlovskiy A. «Eto pleshchet Neva o stupeni...».[“The Neva that splashes on the stairs...”]. *Neva*, 1979, no. 6, p. 193–196. (in Russ.)
- Polyanin A. Nataliya Krandievskaya – Stikhotvoreniya [Nataliya Krandievskaya – Poems]. *Severnye zapiski*, 1914, February, p. 180–182. (in Russ.)
- Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii [Complete edition]. In 10 vols. Leningrad, 1977–1979. (in Russ.)
- Ratgauz G. Kak feniks iz pepla. Beseda s Annoy Andreevnoy Akhmatovoy [Like a Phoenix from the Ashes. Conversation with Anna Akhmatova]. *Znamya*, 2001, no. 2, p. 151–158. (in Russ.)
- Russkiy Berlin. 1921–1923. Po materialam arkhiva B. I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute [Russian Berlin. 1921–1923. Based on the documents from the archive of V. I. Nikolaevskiy at the Hoover Institute]. Ed. by L. Fleyshman, R. Khyuz, O. Raevskaya-Khyuz. Paris, YMCA-Press, Moscow, Russkiy put, 2003, 392 p. (in Russ.)
- Shakespeare W. Polnoe sobranie sochinenii [Complete edition]. In 5 vols. St. Petersburg, Brokgauz – Efron, 1902–1904. (in Russ.)
- Shumskiy V. Zhenskaya lirika (eskiz) [Lyric poetry for women (draft)]. *Lesnoe echo*, 1918–1919, no. 3–4, p. 15–16. (in Russ.)
- Timenchik R. Chitateli Gumileva. Prilozheniya. Nachalo vospominaniy Varvary Moninoy [Readers of Gumilyov. Applications the Beginning of Barbara Monina's Memories]. In: Timenchik R. Podzemnye klassiki: Innokentiy Annenskiy, Nikolay Gumilev. Moscow, Mosty kultury, Ierusalim, Gesharim, 2017, p. 564–565. (in Russ.)
- Timenchik R. Posledniy poet. Anna Akhmatova v 60-e gody [The last poet. Anna Akhmatova in the 60s]. In 2 vols. Moscow, Mosty kul'tury, Ierusalim, Gesharim, 2015, vol. 2, 632 p. (in Russ.)
- Timenchik R. D. Iz «Imennogo ukazatelya» k «Zapisnym knizhkam»: «Zavistnitsy, soper-nitsy, vragi» [From “Index” to “Notebooks”: “Envious, rivals, enemies”: «Ya vsem proshchenie daruyu...»: Akhmatovskiy sbornik [“I grant my forgiveness to everyone...” Book of poems by Akhmatova]. Moscow, Al'yans-Arkheo, St. Petersburg, 2006, p. 492–517. (in Russ.)
- Varlamov A. N. Aleksey Tolstoy: Biografiya [Aleksey Tolstoy: Memoirs]. Moscow, Eksmo, 2009, p. 736. (in Russ.)
- Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966) [Notebooks by Anna Akhmatova]. Comp. by N. Suvorova, intr. by E. G. Gershteyn, index by V. A. Chernykh. Moscow, Torino, Giulio Einaudi editore, 1996, 852 p. (in Russ.)